

Идущие за мною

Это поколение, которое смотрит на нас, когда мы стоим у доски, — кто они? Какие они? Людям вообще интересно, что будет после них — возможно, именно это отличает нас от животных. Данная статья сопоставляет мнения двух хорошо известных — и не только нашим читателям — авторов.

Что такое «поколение»?

В журнале «Социологические исследования» (2018, 3) опубликована статья «Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ», подписанная В. В. Радаевым, первым проректором Высшей школы экономики. Обобщая результаты исследований, выполненных в этой организации, автор обнаруживает интересные различия между поколениями. Но интересное начинается еще раньше — с определения понятия «поколение».

Моя мама как-то сказала, что у меня психология ребенка военных лет. «Почему?» — спросил я. Последовал ответ: «Ты любишь горбушки, а они всегда были лучше пропеченные».

Если предположить, что вся генеральная совокупность, то есть все жители страны, не распределяются равномерно по каким-то параметрам, а концентрируются к некоторым значениям, то можно предположить, что эти концентрации связаны с какими-то событиями, которые когда-то влияли на всех. Например, крушения и реставрации режимов, массовые убийства и войны, смягчения и ужесточения политики. Причем эти события, чтобы повлиять на психологию людей, должны произойти в тот период, когда человек наиболее восприимчив — в 18—25 лет.

Если же для какой-то группы имеется концентрация по нескольким параметрам (например, любовь к горбушкам, гордость за не свои подвиги, терпимость к плохим бытовым условиям), то это уже кластер, то есть — поколение. Вот автор и выделяет следующие поколения.

Поколения	Период рождения	Период взросления
Мобилизационное поколение	1938 и ранее	1941—1956
Поколение оттепели	1939—1946	1956—1964
Поколение застоя	1947—1967	1964—1984
Реформенное поколение	1968—1981	1985—1999
Поколение миллениалов	1982—2000	1999—2016
Поколение Z	2001 и позднее	2016—

Сравнивать эти поколения сегодня, когда одним 80 лет, а другим 18, конечно, нельзя. А данных, относящихся к одним и тем же возрастам разных поколений, недостаточно. Тем не менее с помощью хитроумных процедур автор ухитряется это сделать. Процедуры вкратце описаны в оригинальной статье, здесь мы их касаться не будем, но там все корректно. Перейдем к рассмотрению результатов.

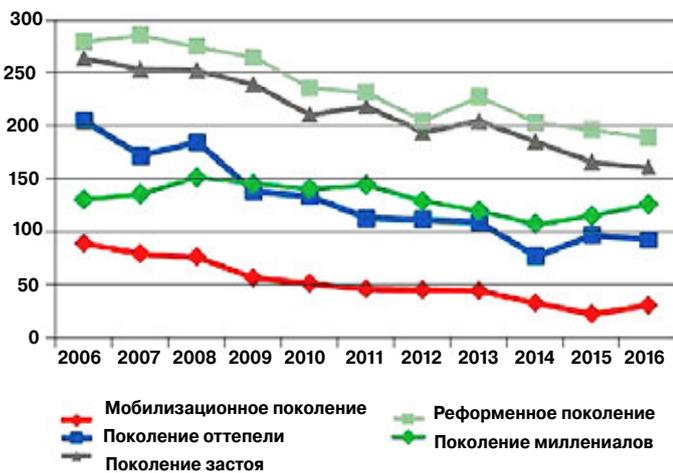
Откладывание взросления

Автор показывает, что миллениалы откладывают до более позднего возраста многие поступки, которые ассоциируются со «взрослостью», — вступление в брак, рождение детей, выход на рынок труда (все цифры есть в оригинальной статье). Когда же они выходят на рынок труда, то оказываются самым нетерпеливым поколением, которое ищет возможности для более быстрого успеха, материального и профессионального, пробует разные возможности для его достижения. Например, часто меняет место работы и/или профессию.

Далее автор пишет: «Итак, миллениалы не торопятся «взрослеть». В связи с этим они нередко получают упреки в «инфантилизме», которые мы считаем незаслуженными, — просто времена изменились». То есть делается попытка оправдать, защитить от критики, хотя указание на инфантилизм — не обвинение. Те, кто говорит об инфантилизме, сравнивают людей не со временем, а с людьми — то есть с собой. И поэтому инфантилизм очевиден. Для того чтобы придать этому инфантилизму оценочный статус (обвинение, похвала, сочувствие и др.), нужен принцип оценки. Например, можно сказать, что в новых социальных условиях (каких?) с точки зрения (кого?) было бы эффективно (в каком смысле?) взрослеть — раньше или позже. Скажем, в тоталитарном государстве с точки зрения внутренней политики инфантилизм — это благо: властям проще управлять, да и личное счастье больше («с пустой головой легче прыгать по земле»). С точки зрения соревнования между странами и системами — наоборот. Великовозрастные балбесы проигрывают взрослым и ответственным людям.

Легальные наркотики: алкоголь и никотин

Алкоголь не просто один из стандартных товаров, уровень и стиль его потребления является важным элементом культуры, специфическим для того или иного общества. Для России, которая, по данным Всемирной организации здравоохранения, долгое время не покидает десятку самых пьющих стран мира, потребление алкоголя имеет особое значение. Соответствующие данные показаны на рис. 1.

1
Среднее потребление алкоголя на душу населения в течение 30 дней, по поколениям, 15 лет и старше, в граммах чистого алкоголя, 2006–2016 гг.

Во всех поколениях наблюдается снижение средних объемов потребления на одного взрослого после 2008 года. При этом каждое последующее поколение потребляет больше предыдущего, за исключением миллениалов, уровень потребления которых вновь оказывается значительно ниже, чем в двух предшествующих поколениях, причем разница с соседним реформенным поколением варьирует от полутора до двух раз. Автор справедливо замечает, что именно в поколении миллениалов наблюдаются отчетливые признаки более решительного перелома, связанного с падением как доли потребителей, так и объема потребляемого алкоголя. Вероятная, как нам кажется, интерпретация такова: поколение застоя пило от невозможности чем-либо заняться, реформенное — от крушения надежд, а миллениалам пить от чего? Они не испытали своего крушения — то есть у них его нет позади.

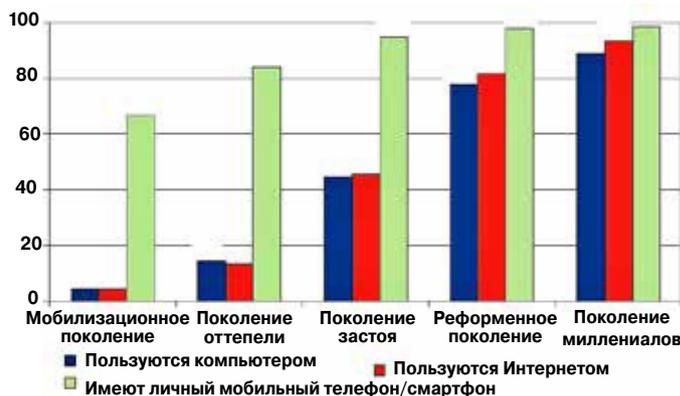
Автор отмечает занятный факт: средний возраст, в котором респонденты впервые попробовали алкоголь, от поколения к поколению не растет, а снижается — от 18 лет в старших поколениях до 17 лет в реформенном поколении и 16 лет у миллениалов. То есть молодые не откладывают потребление, напротив, они пробуют алкоголь раньше, но пьют при этом меньше. Подобный перелом в потреблении алкоголя молодыми поколениями характерен и для других стран, в которых проводились соответствующие исследования, — в Австралии, Великобритании, США, Финляндии, Швеции и других.

Что касается никотина, то соседние поколения курили одинаково. Но эта закономерность касается всех поколений, кроме миллениалов: последние образуют единственный случай, когда при достижении аналогичного возраста доля курильщиков резко упала — более чем в полтора раза по сравнению с предшествующим (реформенным) поколением (с 47 до 30%). Снижение произошло в первую очередь за счет мужчин, которые раньше курили значительно больше женщин.

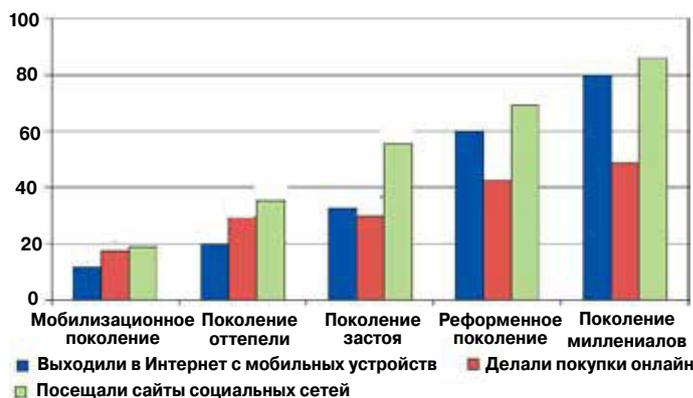

Увлечения: цифровизация, физкультура, религиозность

Доля пользователей компьютеров резко возрастает от поколения к поколению — от почти нулевого уровня в самом старшем мобилизационном поколении (4%) до преобладающего уровня в самом молодом поколении миллениалов (88%). В еще большей степени это касается Интернета, здесь мы наблюдаем рост пользователей от 4 до 93%. Однако наиболее серьезные скачки наблюдаются не между реформенным поколением и миллениалами (как можно было ожидать), а между предыдущей парой — поколением застоя и реформенным поколением (рис. 2 и 3).

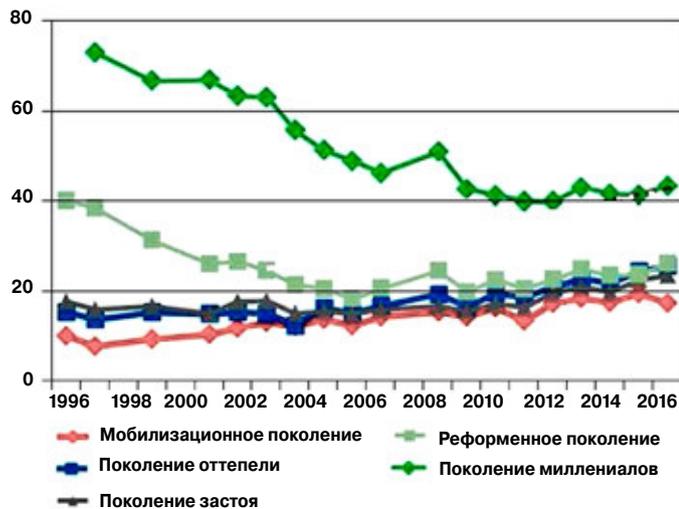
2
Доля респондентов, пользовавшихся компьютером и Интернетом за последние 12 месяцев, имеющих смартфоны, по поколениям, 15 лет и старше, в %, 2016 г.

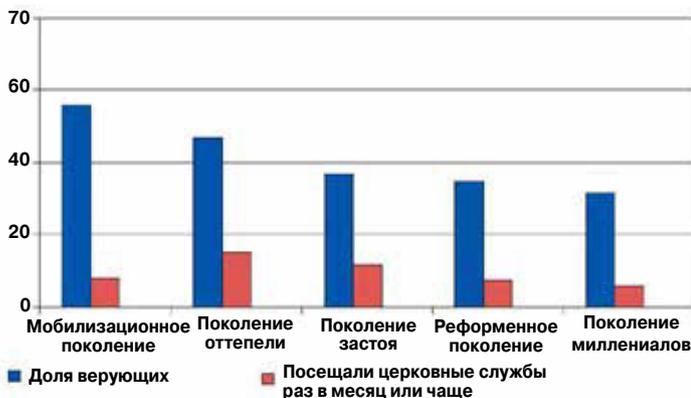
3
Способы использования Интернета за последние 12 месяцев, по поколениям, 15 лет и старше, в % от пользователей Интернета, 2016 г.

Среди других элементов здорового образа жизни следует обратить внимание на занятие физкультурой и спортом. Во всех четырех поколениях доли занимающихся физической

культурой понемногу подрастают с течением времени, достигая к 2016 году 20—25%. Поколение же миллениалов и здесь стоит особняком: его представители на протяжении всего периода наблюдений значительно чаще занимаются физической культурой и спортом. В детстве и юношестве таковых большинство, после достижения 20-летнего среднего возраста их доля стабилизируется на уровне 40—43% (рис. 4).

4
Доля респондентов, занимающихся физкультурой и спортом, по поколениям, 15 лет и старше, в %, 1994—2016 г.

5
Уровень религиозности по поколениям, в %, 2016 г.

Следующий вопрос — религиозность (рис. 5). В данном случае «верующие» — это те, кто заявил, что они таковые. Как пишет автор, «эти результаты кажутся несколько неожиданными на фоне распространенных суждений о растущем увлечении религией (пусть даже и поверхностном) и на фоне более активного присутствия религиозных организаций и религиозной тематики в публичной сфере <...> Однако не будем делать поспешные выводы. Несомненно, данный вопрос заслуживает более глубокого изучения». Ну, последнее можно сказать вообще-то по любому поводу, но обычно так говорят, чтобы превентивно защититься от претензий.

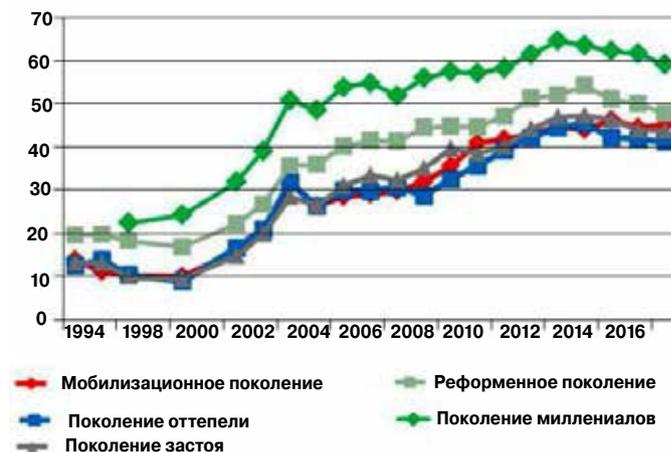
Как же чувствует себя поколение, идущее за нами, — здоровое и инфантильное?

Субъективное благополучие

Психологически готовя читателя к данным о молодежи, автор сначала сообщает, что в группе скандинавских и североевропейских стран уровень субъективного благополучия почти не меняется с возрастом, в англосаксонских

и средиземноморских странах кривая приобретает форму параболы — относительно более благополучными себя считают молодые и пожилые возрастные когорты, а в среднем возрасте этот уровень ниже. В третьей группе стран, к которой принадлежит и Россия, наиболее высокий уровень тоже демонстрируют молодые (в возрасте 15—19 лет), в зрелом возрасте этот уровень снижается, а у пожилых он понижается еще больше. Исключением раньше являлся небольшой рост в самой старшей возрастной группе (после 65—70 лет) (но мы с этими глупостями, видимо, покончили).

Что касается данных мониторинга ВШЭ, то после кризиса 1998 года, с началом экономического роста в России в целом, этот уровень рос до начала очередного кризиса (2014), когда он начал снижаться. Что касается сравнения поколений, то выясняется, что уровни общей удовлетворенности жизнью у всех, кроме миллениалов, близки, но миллениалы на протяжении обследуемого периода вновь стоят особняком, демонстрируя наиболее высокий уровень такой удовлетворенности (рис. 6).

6
Доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом в настоящее время, по поколениям, 15 лет и старше, в %, 1994—2016 г.

Далее автор осторожно пишет: «Но в данном случае мы не можем утверждать, что речь идет о каком-то необычном поколенческом переломе, скорее это проявление возраста, и, к сожалению, с годами это у миллениалов с высокой вероятностью пройдет. Но значимый поколенческий эффект здесь также прослеживается».

Идущие за нами и мы

Итак, идущие за нами пока что счастливы. То есть относительно предыдущих российских поколений; других сравнений автор не делает. Хочется сказать, что мы того... вроде бы не зря прожили... и так далее. Человеку — даже социологу — трудно обойтись без отношения, без мнения, без позиции. И вот, готовясь сойти с исторической сцены, «поколение застоя» начало воспевать «поколение миллениалов». Психологически это понятно, Брюсов тоже кликушествовал: «Но вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном». Приятно знать, что ты уступаешь чему-то хорошему, вдобавок чем-то тебе обязанному. Иногда воспевание чисто эмоциональное и весьма экзотическое, иногда — осторожное и близкое к научному. Забота о здоровье, уменьшение алкоголизации и прокурности — это симпатично любому нормальному человеку. Но и гитлерюгенд, и более поздние «югенды», и наши нацисты — многие призывают к здоровому образу жизни. Человек — это не только бодибилдинг.

Поэтому хотелось бы взглянуть чуть шире и попробовать понять, какую жизнь будет строить это поколение. Тем более что в заключении автор пишет: «В целом мы имеем множество

свидетельств того, что так называемый советский простой человек, вопреки некоторым оценкам, уходит в прошлое, по крайней мере, если речь идет о неполитических сферах. В этой связи следует обратить более пристальное внимание даже не на одно, а скорее на два поколения — реформенное и миллениалов, которые выросли в постсоветский период и, не имея деятельного советского опыта, вносят наибольший вклад во вторую волну социальных изменений».

Уходит ли «простой советский человек»

Само это выражение весьма культурно нагружено, оно применялось и как инвектива, и как объект гордости, и уже это многое говорит о нас. Но в данном случае имеется в виду многолетнее исследование, которое было начато в 1988 году Ю.А. Левадой и продолжается по сей день. Часть результатов относится к молодежи, и вот как их суммирует директор Левада-Центра Лев Гудков.

«Первоначально предполагалось, что молодое поколение станет фактором становления демократической России, поскольку оно будет свободно от страха и бедности, принудительной уравниловки планово-государственной распределительной экономики, ориентировано на западные модели правового государства, рыночной экономики, свободного предпринимательства. И первые годы эта гипотеза подтверждалась данными массовых общесоюзных социологических исследований. Однако последующие замеры общественного мнения (1994, 1997, 2003, 2008, 2012) показали, что сам по себе тип советского человека никуда не исчезает. Он чуть менее заметен в относительно благополучные времена роста доходов населения, некоторой свободы публичных дискуссий, умеренных фальсификаций на выборах, передышки от военных подвигов и патриотического милитаризма, кампаний борьбы с внутренними и внешними врагами и, наоборот, оживает и наполняется кровью в моменты экономических, политических, социальных кризисов. Поэтому по мере усиления авторитаризма в России и стерилизации политического плюрализма этот тип стал выходить на первый план.

За 25 лет, прошедших после распада СССР, сменилось целое поколение; в жизнь начали входить молодые люди, не жившие при советской власти, однако мало чем отличающиеся по своим жизненным установкам от поколения своих родителей. Пришлось признать, что дело не в том, чего хотят и как ведут себя молодые люди, а что с ними делают существующие социальные институты, в рамки которых молодежь так или иначе должна вписаться, принять их и жить по их правилам. Основные механизмы воспроизводства этого человека обеспечены сохранением базовых институтов тоталитарной системы, даже после всех модификаций. Это вертикаль власти, неподконтрольная обществу, зависимый от администрации президента суд, политическая полиция, массовая мобилизационная и призывная армия, лагерная зона, выхолощенные или управляемые выборы, отсутствие самоуправления, псевдопарламент и, наконец, почти не изменившаяся с советских времен массовая школа, воспроизводящая прежние стандарты обучения.

Ушли советские представления о символических фигурах в истории, начиная с Ленина, рейтинг которого опустился с 72% до 32%, но в середине 1990-х стали выдвигаться имперские символы, например начала расти популярность Петра Первого. С приходом к власти Путина началась ресоветизация, и Сталин, которого в первом замере лишь 8% опрошенных назвали «самым выдающимся в истории всех времен и народов», к 2012 году вышел на первое место в ряду самых великих людей — его имя тогда назвали 42%. Сейчас это 38%.

Молодежь, еще в середине 2000-х годов равнодушная ко всему, что связано с событиями 1920—1950-х, поддалась навязчивому прославлению «эффективного менеджера» и

победителя в войне с фашизмом. Доля молодых людей, с уважением относящихся к диктатору, в нынешнем поколении в сравнении с перестроечным выросла в 4—5 раз. И это не частное обстоятельство, а симптом более глубоких изменений.

Более важно — началась критика реформ, западной демократии, в противовес которой стали поднимать советские символы, возрождать мифы сталинской модернизации, превращения страны в супердержаву и многое другое. Важен контекст, в котором оказалась эта фигура: цари и полководцы. В коллективном сознании доминируют имперские комплексы, отмеченные такими именами-символами, а их концентрация указывает на усиление консервативных установок. Возник комплекс коллективной неполноценности. У нас вроде все есть, особенно у молодых, — высокие заработки, возможность поездок и проч., — а ценить себя не за что. Это скрытое напряжение, ощущение себя неполноценным очень сильно. Чем мы можем гордиться, кроме роста благосостояния за счет цен на нефть? Мы регулярно измеряем «основания» для коллективного самоуважения. И здесь любопытный сдвиг: с гордости за советскую науку, русскую культуру — на природные (сырьевые) богатства, размер территории и сильную армию.

Оказались подавлены все каналы и возможности личного достижения, особенно с приходом Путина, когда началась централизация и усиление контроля над всеми сферами. В социологическом смысле это означает, что не происходит усложнение структуры общества, не возникают независимые от власти элиты, нет признания достижений вне зависимости от государства. Если нет процессов социальной дифференциации, то нет и развития, происходит замедление мобильности. В современных обществах признание статуса связано с личными достижениями, а не с номенклатурным распределением, на этом держится авторитет элит».

Что же мы в итоге видим? Молодежь с амбициями, которая — по мнению В.В. Радаева — надеется на быстрое продвижение, может ждать — по мнению Л.Д. Гудкова — разочарование. А инфантилизм сделает переживание этого разочарования более болезненным. И может быть, тем из нас, кто работает и общается с миллениалами, имеет смысл осторожно им об этом говорить.

Кстати: мы начали эту статью с утверждения, что интерес к тому, что будет после меня, свойствен только людям. Ну, во-первых, не всем — и это одна из опасностей для всех. А во-вторых, было бы интересно выяснить, не пробивается ли этот интерес у членов «семьи Уошо» — сообщества говорящих обезьян. Но до этой группы социологи пока не добрались.

Материал подготовил
Л. Хатуль